

Гендерный вопрос в математике

Валентина Кириченко

Согласно Гарвардскому ассоциативному тесту, примерно 70% респондентов непроизвольно связывает женщин с литературой, а мужчин – с математикой. Я в эти 70% не попала, хотя в детстве хотела стать писателем, а не математиком. У литературных сочинений есть бесспорные преимущества перед математическими статьями – в них не требуется ничего строго доказывать. Поэтому мысли, которые у меня возникли в связи с Днём женщин в математике, я решила изложить в жанре художественного эссе.

День женщин в математике впервые отметили два года назад – в течение мая разные университеты и институты по всему миру организовали свои праздники, кто как хотел (научно-популярные лекции, просмотры фильмов, выставки, круглые столы, чаепития и т.п.), в частности, на матфаке праздник состоялся 12 мая в формате лекции+видеоролик+обед. Я разместила приглашение на праздник в своей ленте (праздник был открыт для всех – не только для женщин, и не только для математиков). В комментариях меня стали спрашивать (судя по именам, это были мужчины), не унижает ли женщин такой гендерно-ориентированный праздник; почему бы не сделать для полного равенства дуальный День мужчин в математике; зачем вообще нужны такие праздники, если женщин давно уже никто не дискриминирует и т.д. Это заставило меня задуматься над вопросом: действительно ли у женщин и мужчин равные возможности в математике?

Раньше этот вопрос даже не приходил мне в голову, но оказалось, что тут есть над чем подумать. Чтобы не скатиться в чисто философские рассуждения, я решила начать с конкретных историй: как люди приходят в математику, как решают стать профессиональными математиками, как сомневаются в себе и в математике, и как уходят из математики. Естественно, истории я беру лишь самые типичные (похожие истории повторяются из года в год), литературных героев описываю лишь в общих чертах (так что на каждого персонажа приходится много живых математиков с похожими качествами), поэтому всякое сходство с реальными людьми и событиями случайно.

Чтобы оживить рассказа, я использовала портреты настоящих математиков – четырёх женщин и четырёх мужчин примерно моего возраста, которых я лично знаю, и чьи результаты мне интересны. Отбирала я их по принципу разнообразия, избегая при этом конфликта интересов (то есть соавторов, коллег, одноклассников и т.п. я из своего конкурсного отбора специально исключила). Однако не следует думать, что мои литературные персонажи именно так и выглядят. Герои историй – это не взрослые математики, а старшеклассники (из математического класса), студенты или аспиранты, которые учатся вместе и поэтому довольно сильно влияют друг на друга.

Действующие лица

Горацио – быстро решает сложные задачи. Очень энергичен и амбициозен, но терпения иногда не хватает.

Гермона – любит учиться и читать книги. Характер не сахар, зато рассудительная и работоспособная.

Гарри – наделён особым даром. Иногда находит неожиданные решения, которых другие не видят.

Полианна – душа общества. Отзывчивая и внимательная, хорошо объясняет другим всё, что сама выучила.

Гюльчатай – молчаливая и старательная. Пытается соответствовать культурным стереотипам своей семьи, что иногда мешает ей следовать своим собственным интересам.

Аполлон – увлекается спортом, хорошо играет в хоккей. Нравится девушкам. Его бурная личная жизнь иногда мешает занятиям математикой.

Скарлетт – само совершенство. Обладает развитым абстрактным мышлением и безупречным вкусом в одежде. Всегда добивается поставленной цели.

Знайка – быстро отвечает на любой вопрос преподавателя. Круглый отличник по всем предметам. Несмотря на успехи в учёбе иногда серьёзно сомневается в своих способностях.

История первая (оптимистичная)

Гюльчатай, Полианна и Скарлетт поступают в математический класс. Они уже успешно прошли математические собеседования, и их пригласили на собеседование с директором. Пока они ждут своей очереди, их родители беседуют друг с другом в коридоре. Мама Скарлетт жалуется, что у дочери странное увлечение для девочки. «Лучше бы она серьёзно увлекалась литературой, а не

математикой!» – со вздохом говорит мама. Через несколько месяцев учёбы всем становится ясно – что бы там ни думала мама, если кто из их класса и станет математиком, так это Скарлетт.

История вторая (сравнения и сомнения)

Поучившись полгода среди одарённых и образованных одноклассников, Полианна и Гермиона начинают сомневаться в своих математических способностях. Полианна признаётся, что постоянно сравнивает себя с Горацио. Он ей кажется гениальным – как-то он ошибся, второпях переписывая с доски условие задачи, но в результате получил ничуть не менее интересную задачу, которую к тому же смог решить. Гермиону это не особо впечатляет – как вообще можно ошибиться в условии, это же не гениальность, а страшная невнимательность! Но и Гермиону одолевают сомнения – она сравнивает себя со Скарлетт. У Скарлетт всё получается легко и быстро, а Гермиона сидит до поздней ночи, чтобы успеть сделать домашнее задание. Горацио тоже начинает сравнивать себя со Скарлетт – оказывается, она лучше него выступает на олимпиадах (и упорней отбивает на апелляциях драгоценные баллы). Только Гюльчатая сравнивает себя не с одноклассниками, а со своим братом – их папа хочет, чтобы его сын стал математиком (как папа) и серьёзно занимается его образованием. Относительно дочери папа подобных планов не строит.

История третья (разные пути)

В университете Полианна постепенно дрейфует в сторону компьютерных наук, поступает в магистратуру по анализу данных и идёт работать в Яндекс. Горацио и Аполлон идут к одному и тому же научному руководителю (Аполлон уже давно привык доверять выбору Горацио во всём, что касается математики). Горацио серьёзно хочет стать математиком, он пишет прекрасную работу, но оказалось, что его основной результат независимо от него и чуть раньше получил гораздо более взрослый математик. Это только один из эпизодов в цепочке неудач, которые преследуют Горацио в студенческие годы. Он защищает диссертацию, но сразу после защиты уходит работать в инвестиционную компанию. Аполлон, ясное дело, уходит туда же. Гюльчатая и Скарлетт тоже идут к одному и тому же научному руководителю (это случайно так совпало), но потом поступают в разные аспирантуры по математике (в разных странах). Однако они продолжают вместе работать и скоро публикуют совместную статью.

История четвёртая (пессимистичная)

У Гарри, Гермионы и Знайки схожие научные интересы – они и в университете часто оказываются за одной партой, потому что ходят на одни и те же спецкурсы. Знайка серьёзно размышляет о своих перспективах после окончания аспирантуры. «Поеду я на постдока на три года, а что потом? Мне будет 30, и кому я буду нужен? Какая компания возьмёт меня на работу, как я буду потом семью кормить?» – говорит он Гермионе. Свою семью Знайка пока не собирается создавать, родители в его помощи не нуждаются, но будучи человеком предусмотрительным, он старается продумать всё лет на десять вперёд. Хотя Гермиона подозревает, что главная причина Знайкиной неуверенности в своём математическом будущем кроется в его научном руководителе. Это он не дал Знайке почувствовать, что Знайка – математик. После защиты Знайка уходит работать в банк финансовым аналитиком, а Гермиона и Гарри уезжают на временные математические позиции в разные страны. На банкете по случаю одной из защит Гермиона не упускает случая высказать научному руководителю Знайки всё, что думает о его руководстве (я ведь упоминала, что тактичностью она не отличается). Вместо того чтобы поставить зарвавшуюся пигалицу на место,

тот объясняет ей, что нельзя принять за другого такое трудное решение, как решение стать математиком. Он даже цитирует ей строфу из стихотворения Гумилёва:

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

И Гермiona с ним соглашается, несмотря на свой вредный характер.

Мысль первая (путь)

Трудности, которые встают на пути будущего математика, в общих чертах можно описать как бетонную стенку, которую нужно пробить лбом. Тут и сомнения, получится ли решить задачу, которую до тебя никто не решил; получится ли придумать свою собственную интересную задачу; и вообще получится ли сделать что-то по-настоящему новое, красивое и вечное. Эти экзистенциальные вопросы накладываются на острый житейский вопрос: как найти работу? Современный рынок труда в математике устроен так, что постоянную позицию в хорошем университете (или хотя бы позицию, которая имеет шансы стать постоянной) вряд ли получишь раньше, чем в 30 лет, и это оценка снизу. Если ты не Мариам Мирзахани, то лучше сразу повысить эту оценку до 35-40 лет. Конечно, речь идёт о работе, подразумевающей научные исследования – чисто преподавательскую позицию человеку с хорошим математическим образованием найти существенно проще (преподаватели математики, которые сами знают математику, всегда в дефиците).

После окончания аспирантуры молодые математики обоего пола, решившие остаться в математике, как правило пытаются найти временную работу постдока (возможно, в другой стране или даже другой части света). Через пару лет находят другую работу, возможно, снова временную и снова в другой стране и т.д. Это всё при условии, что им удалось пройти по конкурсу и получить хоть какую-нибудь позицию – никаких гарантий, что это получится, у них нет. Всё это время они занимаются математикой, публикуют статьи и выступают на конференциях в надежде, что их наконец заметят, и они смогут найти постоянную работу в университете своей мечты (ладно, пусть не мечты, а просто в университете, где занимаются математикой). Как несложно догадаться, на каждом этапе многоступенчатого поиска работы отсеивается довольно много кандидатов (зато банки, страховые и инвестиционные компании, Яндекс и Гугл обогащаются высококвалифицированными работниками).

Теперь добавим к этой сложной схеме личную жизнь, семью и детей. Тут ясно видны социальные различия между женщинами и мужчинами. Согласно распространённым гендерным стереотипам, мужчина должен кормить семью, а женщина должна рожать детей. Общество в целом положительно относится к замужней женщине, которая занимается только неоплачиваемой работой, такой как воспитание детей и ведение домашнего хозяйства (разве что свекровь, в советские времена работавшая на полную ставку с трёхмесячным сыном, будет за глаза упрекать невестку в тунеядстве, но на то она и свекровь). Если молодой математик (мужчина) нашёл себе жену-декабристку, которая покорно следует за ним за океан, варит ему борщ и растит его детей, пока он с головой уходит в науку, то это возможно даёт ему некоторые преимущества перед теми молодыми математиками (например, женщинами), которые целиком выполняют свою долю

неоплачиваемой работы в семье. Однако кроме плюсов муж жены-декабристки получает и явный минус – он должен быть всегда трудоустроен. Если он не найдёт позицию в математике, он обязан будет выбрать один из нематематических вариантов трудоустройства. Кроме того, даже жена-декабристка может устать от постоянных переездов и сопутствующих житейских проблем, поставив мужа перед выбором: «Или я, или твоя новая позиция в Бразилии!»

Если говорить о биологических, а не социальных различиях между женщинами и мужчинами, то математик мужчина, который в принципе хочет иметь детей, может в отличие от женщины дать временный обет безбрачия и жениться только после того, как найдёт постоянную работу. Для математика женщины, которая хочет иметь детей, подобная стратегия чревата репродуктивными рисками. Мне лично кажется, что и для мужчины такая стратегия не шибко выигрышна – нельзя же заранее предсказать, когда и где он встретит свою вторую половину. А уж если встретил, то вряд ли получится игнорировать её интересы и при этом надеяться, что она будет ждать его, пока он работает в другом городе или даже в другой стране. В общем, я не вижу неоспоримых преимуществ у мужчин перед женщинами ни с социальной, ни с биологической точки зрения.

М ы с л ь в т о р а я (задача двух тел)

Когда муж и жена оба математики (или учёные с той же схемой поиска работы, что и у математиков), то поиск работы превращается в сложнейшую «задачу двух тел». Универсального решения не имеет, каждая пара решает задачу по-своему. По-видимому, одно из первых решений описано в статье американского математика Мэриан Бойкан Пур-Эль «Семейная жизнь на расстоянии: выбор математика». В 1958 году она уехала работать в Пеннсилванию (с двухлетней дочкой), пока её муж (биохимик) заканчивал аспирантуру в Калифорнии. За весь год они виделись один раз – денег хватило только на одну поездку из Беркли в Пенн Стэйт. В остальное время они переписывались (на междугородние звонки денег не хватало, а Скайп ещё не придумали). В 1969 году они работали на разных континентах: она – в Англии, он – в США. В статье описаны первые 25 лет их семейной жизни, из которых примерно половина была прожита совместно, а половина – раздельно (статья очень увлекательная, скоро выходит её перевод на русский язык). Не все решения задачи двух тел столь же радикальны, но многие из них включают в себя похожие периоды «дистанционной совместной жизни». Иногда это начинается уже на уровне аспирантуры: она поступает в Принстон, он – в Гарвард, встречаются по выходным.

Конечно, чтобы решить столь сложную проблему так, чтобы окончательное решение устраивало обоих, нужны равноправные отношения в семье. Компромиссы, дауншифтинг и даже тактические отступления практически неизбежны, и тут важен осознанный и добровольный выбор. На женском математическом ланче (это такие сегрегационные мероприятия, дискриминирующие мужчин, зато там можно услышать потрясающие истории из жизни математиков женщин) одна из участниц рассказала, как год проработала в коммерческом секторе, потому что не смогла сразу найти академическую работу в том же географическом диапазоне, что и муж. «Я человек эгоистичный. Я хочу быть счастливой, – объяснила она. – А для этого нужно, чтобы мой муж был счастлив. Он не будет счастлив без своей работы». На другом математическом ланче (на сей раз не сегрегационном) я поинтересовалась у одного из знакомых участников, почему он приехал на недельную конференцию (на другом континенте) всего на три дня. «У жены конференция

начинается, – объяснил он. – Мне нужно будет сидеть с ребёнком». Я его до этого уважала как математика и как человека, но тут зауважала и как мужчину.

Мысль третья (уроки истории)

Почему же женщин в математике гораздо меньше, чем мужчин, если женщин в нашей стране уже лет сто как не дискриминируют? Поскольку вопрос сложный, стоит уточнить, когда и где женщинам дали возможность получать высшее образование в области математики наравне с мужчинами (то есть в тех же учебных заведениях). Доступ к образованию у женщин в одной отдельно взятой стране сам по себе вряд ли способен вызвать существенные гендерные изменения в международном математическом сообществе. Особенно когда речь идёт о стране неизмеримой общим аршином. Если посмотреть на страны с традиционно высокой математической культурой, то получается история запутанная и отнюдь не монотонно прогрессивная, как можно было бы подумать.

В начале прошлого века математические сообщества Германии и Италии (не знаю про Великобританию и Францию) явно продвигались в прогрессивном направлении – всё больше женщин защищали диссертации по математике, участвовали в конференциях и воспринимались как настоящие математики (по крайней мере внутри математического сообщества). Увы, золотой век продлился недолго, и скоро в Германии и Италии не стало не только математиков женщин, но и самой математики. Последствия ощущаются до сих пор, зато в США начался резкий подъём математической культуры, не в последнюю очередь за счёт математиков из Европы. Только в отличие от Германии в довоенных США (точнее в США до запуска Спутника в СССР) у женщин не было возможности учиться в лучших университетах страны. Они могли учиться только в специальных женских колледжах (в одном из таких колледжей работала Эмми Нётер, эмигрировавшая в США из Германии). Да, в довоенной Германии у женщин тоже не было полного равноправия с мужчинами. Эмми Нётер так и не дали полной профессорской позиции в Гёттингене, несмотря на её математические достижения. Но она могла читать спецкурсы и руководить аспирантами наравне с коллегами мужчинами. В США это было невозможно в принципе, и всемирно известная Эмми Нётер вынуждена была преподавать в сегрегационном колледже.

Таким образом, в 1957 году в Америке женщины оказались примерно там же где были 50 лет назад в Европе – их потихоньку начали допускать к высшему математическому образованию (эффект Спутника в действии). А в Европе по ту же сторону железного занавеса с математическим образованием стало не очень не только для женщин, но и для мужчин (математические школы Италии и Германии разрушены, только во Франции продолжается математическая жизнь). Тут так и хочется посмотреть, что же происходило по эту сторону железного занавеса. Увидеть, сколько зато в Советском Союзе выросло выдающихся математиков женщин, пока прогнившие капиталистические режимы закрывали женщинам путь в науку. Вспомним Людмилу Келдыш (её дядю расстреляли в 30-е годы, а маму арестовали), Ольгу Ладыженскую (её папу расстреляли, а сама она, как дочь врага народа, не могла учиться в университете) и Марину Ратнер (её маму уволили с работы в 40-е годы за переписку с родственниками в Израиле). Но будем справедливы к Советской власти – она притесняла математиков женщин вовсе не за то, что они женщины.

Только в 60-х годах прошлого века женщины в странах с хорошим математическим образованием наконец получили полный доступ к этому образованию (в случае Советского Союза к женщинам

нужно добавить и мужчин неправильного классового происхождения). Эта эпоха анализируется в интересной статье «Women in Soviet mathematics» (Notices Amer. Math. Soc. 40 (1993), no. 2, 108-116) двух американских математиков (женщины и мужчины), эмигрировавших в США из СССР. Вряд ли я смогу что-то содержательное добавить к их выводам (я знаю то время только по рассказам родителей, а авторы статьи сами тогда жили), но одну личную историю, иллюстрирующую их выводы, я приведу.

В детстве у меня была старая книжка о первых международных математических олимпиадах школьников (самая первая олимпиада состоялась в 1959 году). В книжке было несколько фотографий победителей, в том числе девочки и мальчика из СССР, которые получили золотые медали на олимпиаде 1962 года в Чехословакии. Мальчик стал очень известным математиком, про него и так все знают, а я расскажу про девочку. Её звали Лида Гончарова (1945-2020), и она была для меня не просто лицом на фотографии, а живым человеком, которого хорошо знали мои родители. Мама часто показывала мне культовую книжку «Что такое математика?», которую ей в школьные годы подарила Лида (в старших классах я эту книгу с удовольствием прочла – а как же иначе после такой рекламы). В начале 90-х Лидия Васильевна организовала домашний кружок по математике для школьников 5-6 классов, и я год ходила на её кружок. Для меня это был первый опыт общения с настоящим математиком. В её доме меня поразила не только математика, но и то, что у неё были маленькие дети. Я привыкла, что у сверстников моих родителей все дети (все – это как правило один) давно выросли – и поиграть в гостях мне обычно было не с кем. А у Лидии Васильевны был сын моложе меня на пару лет, ещё один сын лет четырёх и совсем крошечная дочка (кажется, это был первый раз в моей жизни, когда я вблизи увидела настоящего живого младенца, а не абстрактный кулёк в наглухо задраенной коляске). Ещё у неё было три взрослых сына – всего шесть детей, старшего она родила примерно в 18 лет, а младшую – в 44 года.

Много лет спустя я узнала о математической судьбе Лидии Васильевны – она защитила диссертацию на мехмате МГУ в начале 70-х, и несколько лет работала в каком-то исследовательском институте. Хотя в студенческие и аспирантские годы она активно участвовала в жизни московского математического сообщества, как-то так получилось, что потом её перестали воспринимать как математика. По-видимому, были годы или даже десятилетия, когда у неё просто не было времени, чтобы серьёзно заниматься математикой, но совсем расстаться с математикой она не могла. Полтора года назад мы с ней снова встретились уже как коллеги-математики – Лидия Васильевна пришла на матфак, и я узнала о её новом результате. Это был очень интересный доклад, но записать свой результат Лидия Васильевна так и не успела.

Мысль четвёртая (дети)

Как же сочетаются занятия математикой с рождением и воспитанием детей? Это опять вопрос, на который нет универсального ответа – каждый математик-родитель находит своё решение. Например, очень известный французский математик Клер Вуазен, мама пятерых детей, считает, что ей было бы психологически гораздо сложнее заниматься математикой, если бы у неё не было её семьи. Мне лично сложно с ней не согласиться: когда ты долго мучаешься над тяжёлой задачей и начинаешь остро ощущать собственную никчёмность, ничто так быстро не возвращает веру в свои силы, как просьба младенца вытереть ей попу. Хотя возвращение младенцев требует огромного количества времени и энергии, сам процесс меняет родителей в лучшую сторону – становишься быстрее, целеустремлённей, лучше распределяешь время, отсекаешь всё ненужное.

А главное, пропадают обычные сомнения, а зачем мне делать то, что я делаю, вдруг это в результате никого не заинтересует? Для математика с младенцем ответ очевиден – для радости. Если выпала свободная минутка, то нужно потратить её на то, что приносит радость – на математику.

Я никоим образом не хочу преуменьшить дополнительные трудности, которые встают перед математиком родителем. Наша математика не только для радости, но и для совести – мы должны писать научные статьи, диссертации, рецензии, заявки на гранты и т.п. В отличие от собственно математического творчества работа по написанию разнообразных математических текстов часто бывает рутинной и не вдохновляющей. Публикационная активность у родителей младенцев может упасть, потому что если выбор стоит между лишним часом сна или лишним часом перед монитором в попытке преодолеть писательский блок, то понятно, что выберет молодой родитель. Я знаю математиков мам и математиков пап, написавших диссертации с младенцем на руках. Я ими восхищаюсь и не понимаю, как им это удаётся. Когда я на год ушла в отпуск по уходу за ребёнком, я пыталась на досуге скомпилировать из своих статей докторскую диссертацию по шаблону ВАК, но успела только обработать список литературы до буквы Б (да, прямо как в старом анекдоте – изучаю французский по словарю, начала с буквы А, дошла до абсурда). Я считаю нормальным, что по хронологии моих препринтов в архиве чётко восстанавливаются годы младенчества моих детей. Ну и что? Дети растут быстро (даже свои дети), так что трудности с публикациями временны, и не надо слишком уж комплексовать по этому поводу.

Есть много примеров математиков женщин, которые поначалу продвигались очень медленно или вынуждены были сделать перерыв в своей математической работе, но потом достигли выдающихся успехов. Хрестоматийный пример – Джоан Бирман, мама троих детей, закончившая аспирантуру в 41 год. Другой пример – Кэтлин Синг Моравец, которой по её словам понадобилось 12 лет и четверо детей, чтобы пройти путь от поступления в аспирантуру до первой академической позиции (она шутила, что образцовой домохозяйки из неё не вышло, поэтому она и стала математиком). Я уже упоминала Людмилу Келдыш – у неё было пять детей, и хотя в мирное время это её не особо замедляло, в военные годы она практически не занималась математикой – вся её необыкновенная энергия уходила в заботы о выживании семьи.

Самые полезные примеры лучше искать среди знакомых математиков родителей – ведь их (нас) можно подробно расспросить о том, как они дошли до жизни такой. Лично мне в своё время не помешал бы ликбез о совмещении грудного вскармливания с поездками на конференции. В результате на собственном опыте я выяснила, что хотя самое удобное – ехать вместе с младенцем и его папой или другим взрослым (организаторы конференций обычно всегда предусматривают такие семейные визиты), при необходимости можно поехать и одной – грудные младенцы легко прощают мам, которые уехали от них на неделю.

Мысль пятая (слава)

Напоследок хочу затронуть скользкую тему «математической мизогинии». Я не буду повторять многочисленные шутки и анекдоты о женщинах и математике, думаю, все и так их слышали. Имидж математики и математиков в массовой культуре больше основан на мифах и легендах, чем на реальных фактах. Эти мифы иногда подкрепляются фантастическими афоризмами самих математиков. Математики вообще не склонны к конформизму, поэтому частные мнения математиков не стоит воспринимать как консолидированное мнение математического

сообщества. Например, одному очень известному математику приписывают такую цитату: «Математика между Ньютоном и Пуанкаре – пустыня, наполненная бесплодными вычислениями». Что тут скажешь? Два века математики кошке под хвост. На фоне такой вселенской мизантропии цитата о Софье Ковалевской и Эмми Нётер, приписываемая другому очень известному математику, выглядит невинной шуткой (я намеренно не называю имён предполагаемых авторов цитат, потому что не нашла никаких документальных подтверждений их авторства – мифам не нужны авторы).

Однако бывают ситуации, когда сообществу математиков приходится вырабатывать консолидированное мнение несмотря на природный или профессиональный нонконформизм. Речь идёт о распределении всевозможных математических плюшек – премий, грантов, офферов, от которых невозможно отказаться и т.п. Представьте себе, что гипотетический комитет ПАРИС (сплошь состоящий из математиков мужчин) обсуждает, кому вручить очередную премию (допустим, Премию за Алгебраическую Работу Исследователей-Соискателей, что бы это ни значило). На конкурс пришло несколько заявок, из которых в короткий список попало три – две от мужчин и одна от женщины. После долгих дебатов ПАРИС пытается выбрать достойнейшую (работу). Голосование не даёт ярко выраженного результата – все три работы примерно одного уровня, у каждой есть свои горячие поклонники среди членов комитета. Кто-то робко замечает, что может лучше выбрать работу женщины, а то как бы не началась новая Твиттерная война. На него цыкают, что никакие угрозы не заставят комитет стерпеть гендерную дискриминацию (равно как и дискриминацию по любым другим признакам). И тут кто-то другой вспоминает, что видел замечательную работу математика женщины, которая удовлетворяет всем условиям конкурса. Будь эта работа подана на конкурс, она бы несомненно завоевала премию без всякой гендерной дискриминации. Мораль сей басни проста – подавайте работы на конкурсы!

Если серьёзно, то многие математики, достойные самых высоких наград, ни одной премии в своей жизни не получили. Один очень известный американский математик мужчина даже сам себе написал эпитафию по этому поводу. В вольном переводе на русский язык она звучит так:

Тот, кто лежит у ваших ног,
Приз Бохера снискать не смог.

Я даже специально посмотрела, что это за «самый главный приз» такой (никогда раньше о нём не слышала). Премия Бохера присуждается раз в три года за лучшую публикацию по анализу в североамериканских журналах. В 2020 году эту премию впервые получила женщина – французский математик Лор Сен-Раймон, мама шестерых детей.

Я не думаю, что проблему справедливого распределения плюшек можно решить простыми методами. Да, некоторые особо редкие виды плюшек вообще не достаются математикам женщинам или достаются ровно один раз (чтобы на любой внешний запрос «Почему вы не выбрали математика женщину?», можно было гордо ответить «У нас уже есть одна»). Однако есть направление, в котором можно было бы сделать что-то несложное и невинное. Это – математическая пропаганда. Сейчас она явно ориентирована на мальчиков, например, прекрасная просветительская книга «Математические прогулки» (интервью с математиками и не только) задумана именно как книга для мальчиков (это прямо в предисловии к книжке написано). А где книга для девочек?

День женщин в математике – отличный повод для гендерно-ориентированной математической пропаганды. Вы не поверите, но я первый раз услышала о Марине Ратнер (я уже упоминала о ней в связи с математиками женщинами в Советском Союзе) ровно два года назад. Её теорема была сформулирована в докладе о математических результатах Мариам Мирзахани во время празднования Дня женщин в математике. Я знала об Эмми Нётер и Карен Уленбек, но не о Марине Ратнер – а это первые три женщины, приглашённые с пленарными докладами на Международные математические конгрессы (в 1932, 1990 и 1994 годах, соответственно).

Что касается исходного вопроса (труднее ли женщинам в математике, чем мужчинам, или не труднее), то я ответа на него не знаю. Впрочем как и ответа на многие другие интересные вопросы. В математике «вопросы важнее ответов».